

СТАРОСВѢТСКАЯ МАСЛЯНАЯ.

(Быль).

I.

Бучно и весело проводили масляную старинные приворсклянскіе паны. Круглая недѣля—до самаго жилавого понедѣльника—музыка, гости, бенкеты. И какъ было тогда не веселиться?—всего вдосталь, все не покупное. У всякаго пана была своя винница; у иного было нѣсколько винницъ (тогда не знали ни заводовъ, ни акцизныхъ, ни Тралисса); свои пасѣки съ омпанниками, свои ставы; токи—полны скирдь, стоги сѣна, какъ горы стоятъ по нѣсколькѣ лѣтъ, нетронутые. Вызимовывались на своихъ харчахъ цѣлые табуны лошадей, свои были череды, свои воли: посполитые чумаковали панскими волами, какъ вольные казаки, и сколько было навезуть съ Дону балыковъ всякихъ, и икры, и осетрины, не говоря уже про другую рыбу, про соль. Въ садкахъ—и дули, и бергамоты, сливы всякія, яблоки, черешни.... А лѣса какіе стояли тогда непроглядные! Сколько тамъ было орѣховъ, кислицъ, желудей.... Малина дикая, смородина, ожина—собирай сколько хочешь: тогда еще не дошли до мудрости стегать плетью за суницы и полуницы, не рѣзали косъ дивчатамъ и дегтемъ головы не маза-

ли имъ за *проруху*, да правду сказать, не было и нужды тогда въ накрытки дивчатамъ идти.. Жилось за проста, всякъ по своему, какъ умѣлъ.

Казацкія передряги тогда еще только что утомонились. Осѣвшіеся понадъ Ворскломъ поселенцы съ разныхъ краевъ рады радехоньки были мирной сельской жизни въ своей семьѣ, безъ опаски, безъ оглядокъ на стороны.

Удалъ прорывалась только въ праздничныхъ гулянкахъ, въ дни веселія. Дни масляной были одними изъ самыхъ веселыхъ дней для приворсклянскихъ пановъ. Не было тогда нужды ѣхать въ городъ для закупки лавочныхъ товаровъ. Кладовая, ледникъ и погребъ щедро удовлетворяли всѣмъ запросамъ прихотливаго вкуса. Меды, наливки, настойки мѣрились тогда не бутылками, а сулеями ведерными, сорта варений считались дюжинами десятифунтовыхъ банокъ, орѣхи, цукаты хранились въ бочкахъ. А сколько запасовъ было яблокъ свѣжихъ, мороженыхъ, моченыхъ въ пивъ, на меду и безъ меду, судя по вкусу, какіе тогда настаивались квасы, какія зарубывались въ ледники соленья, сколько было запасовъ разной живности! Было чѣмъ вередовать, было чѣмъ разнообразить сподобы возбудженія и безъ того несла-

баго аппетита.

Къ масляной каждая хозяйка, кроме разныхъ сортовъ папушиковъ и пирожныхъ, считала грѣхомъ не приготовить пишечекъ на меду, похожихъ на сосновыя шишки, вергуновъ и маковиковъ, что такъ и таяли, какъ кто возьметъ въ ротъ... А что за пастилы, что за павидла ѣдали тогда на масляной! Какую вареную въ куфакъ завариваютъ, съ калиною, да съ имбиремъ!

Что жъ тутъ за диковина, если паніи и панянки, занятія приготовленіями къ масляной, не спали ночи напролетъ? что удивительнаго, что паны съ паничами, какъ только настанетъ бывало масляная, одинъ передъ однимъ спѣшили къ добрымъ соседямъ на вареники?

II. Два села—Чечевва и Пискогорье и теперь красуются одно супротивъ другого. Сады, въ которыхъ тонуть ихъ хаты съ бѣлыми стѣнами и соломенными крышами, то хмурятся, когда надъ ними повиснутъ тучи, либо туманы, то привѣтливо ласкаютъ глазъ въ ясный солнечный день. Между ними не больше версты мѣста, но несходятся они, словно выжидая очереди.

Точь въ точь такъ въ старые годы было и между панами. Смотрѣть со стороны, быть бы имъ товарищами, жить душа въ душу. И точно, на время будто и сойдутся, а тамъ, глядь—одинъ супротивъ другого „кирпу гнѣ“, по мѣткому народному выраженію.

Впрочемъ, говоря безпристрастно, паны чечевянскіе, нельзя сказать, что бы питали вражду, либо что нибудь подобное къ панамъ пискогорянскимъ, такъ немного размолвятся бывало, а чтобъ что такое серіозное—этого не случалось.

Однажды какъ то перебѣжала, было, однако, кошка между паномъ Гавендой и паномъ Макотрусомъ по слѣдующему случаю.

Панъ Макотрусъ считалъ себя богаче всѣхъ и потому тордился немного. Панъ Гавенда хотя и не былъ богаче пана Макотруса, но такъ какъ послѣдній, кромѣ дьячка Чичибабы, ни у кого не учился, а онъ, Гавенда, пробылъ три года въ киевобратскомъ училищѣ и лично былъ знакомъ съ знаменитымъ Левандой, то и не хотѣлъ понижаться. Зѣло не по сердцу это пришлось пану Макотрусу „стой же—думаетъ онъ себѣ—поповину, я съ тебя собью форсъ!“.

У Макотруса былъ обычай, кто бы

ни прѣхалъ къ нему изъ дамъ или дѣвицъ, цѣловаться въ губы; здороваясь съ мужчинами, онъ всегда спрашивалъ: „а що, чи ти умієшь трусить маківки?“ Озадаченный гость смотрѣлъ на него въ недоумѣніи, а онъ, сграбаставъ въ руку весь его чубъ, сначала наклонялъ его до земли, потомъ, вода сбоку на бокъ, важно приговаривалъ: „ой ой, якій же ти кепъ—и маківокъ не навчився й доси трусить... Оттакъ труси, оттакъ труси!“.

Гостю уже и не хочется, а онъ его учить. У Гавенды не было чуба спереди: онъ еще съ молодыхъ лѣтъ началъ зачесывать свою лысину косичками, росшими на затылкѣ. Можетъ быть это, и кромѣ того большой ростъ Гавенды мѣшали приземистому Макотрусу потрусить на немъ маківки.

Гордость пана Гавенды заставила пана Макотруса презрѣть этими препятствіями.

Заѣхалъ онъ какъ то къ Гавендѣ.

—Здоровь!

—Здравствуй!

—У мене гости, просимъ покорно до господа.

—Вашъ гость?

—Макотрусъ уѣхалъ.

Гавенда поѣхалъ къ нему погодя.

Макотрусъ, окруженный гостями,

встрѣтилъ его на порогѣ словами:

—А ну, лисий, за те, що опізнився, я тебе поучу, якъ трусить маківки.

—А ну-ну, попробуй!

Макотрусъ хватъ его за косичку.

—Нѣтъ, стой!

Сграбаставъ Гавенда весь его чубъ себѣ въ руку и давай трусить маківки. Тому же и не хочется, а онъ его то на этотъ бокъ, то на тотъ бокъ. Мялъ, мялъ, пока захотѣлъ, отпихнулъ отъ себя и, надѣвши шапку, уѣхалъ, оставивъ въ недоумѣніи и гостей, и хозяина.

—Отакий, бачу, Гавенда, чуръ же ему, промолвить, отдохнувши немного, Макотрусъ.

И съ той поры полно мять маківки.

Съ годъ не видѣлись они, потомъ помирились. Но съ тѣхъ поръ повелось такъ, что если панъ изъ Чечевы былъ развѣ у пискогорянскаго пана, то ужъ потомъ послѣдній, отдавъ визитъ, долженъ былъ опять первый у него побывать.

Это соблюдалось и въ недѣльниці и во вторникъ чечевянскіе паны всегда ѣли вареники у чечевянскихъ же, а пискогорянскіе—у пискогорянскихъ. Въ среду, тѣ, чья была очередь, ѣхали или изъ Пискогорья въ Чечеву,

или изъ Чечевы въ Пискогорье. — Но изъ году въ годъ почему то приходилось такъ, что всѣ приворскляне среду всегда встрѣчали у пана Макотруса.

III.

Еще съ ранняго утра передъ крыльцомъ горницъ Макотруса стоятъ бывало огромныя сани — нарожни, съ плетеною изъ хвороста кучею, точъ въ точъ такого, какъ гончары возятъ горшки. Куча обтянута войлоками; поверхъ нее — навѣсъ изъ ковровъ и килимчиковъ, покрытыхъ ряднами, на случай непогоды. Внутри кучи — скамейки для сидѣнья; подъ скамейками — мѣшки, кульки, баклаги, сулеи, горшки съ масломъ и со смѣтаной, банки съ вареньемъ, кузовки съ яйцами. По срединѣ — треножникъ для казанка, чавунъ съ угольемъ. Въ загородѣ хлопцы откармливаютъ воловъ самымъ лучшимъ сѣномъ... Вотъ показался въ воротахъ въ саяхъ, везомыхъ лысою кобылой, длинноносый, высокій, какъ верста, панъ Горобчикъ, въ шубѣ изъ черныхъ барашковъ, съ высокимъ воротникомъ. За нимъ, немного спустя, на парѣ сѣрыхъ кобылъ, панъ Мурло съ красноносимъ маіоромъ Горненкомъ; еще погода, ѣдутъ панъ Хринъ-рябый, панъ Хринъ-прогонянский, Мѣняйло, Саяренко, Гатальскій, Оксакъ, Шкурпила, Марченко, Гнидый, Сопилка и Задырачевскій, кто на лошади, кто на парѣ сѣрыхъ круторогихъ воловъ. За ними — сани съ панями, панянками и, уже послѣ всѣхъ, на парѣ въ дышло панъ Гавенда съ панею Гавендикой. Мако-

трусъ съ семьей встрѣчаетъ гостей въ залѣ, со всѣми радушно цалуется, искоса поглядывая на панскіе чубы...

Не успѣли гости выпить по стакану чаю, Макотрусъ выбѣгаетъ безъ шапки на крыльце и кричитъ во все горло.

— Гей, хлопці-молодці, казаки — чоловіки! волівъ у ярмо, та швидко — хутко! де музыка?

Откуда не возьмутся и хлопцы съ волами, и музыканты, и дивчата съ бубенчиками, дзвониками, съ лентами яркихъ цвѣтовъ. Воли запрягаются цугомъ рядовъ въ шесть, а то и въ восемь; ярма украшаются — бубенчиками и дзвониками; ярма и рога воловъ — лентами. Первой парѣ панъ велитъ накинуть, вмѣсто попонъ, дорогія скатерти на спину...

Распорядившись на дворѣ, Макотрусъ возвращается въ горницы къ гостямъ.

— А що, пані моя шановала васъ? може голодні? ну, не здивуйтесь — теперь не та пора... Онъ чувъ я, що потімъ боці Ворскла стоить татарскій лагерь... Тутъ ніколи думати; давайте тікати, щобъ у полонъ не взяли насъ, та въ Крымъ не одпровалили.. Гайда!.. Цуръ имъ та пекъ тимъ татарамъ!..

Наскоро одѣваются гости и въ перегонку бѣгутъ отъ татаръ. Пока усядутся въ сани, на дворѣ гремитъ бубна съ контробасомъ, взвизгиваетъ скрипка. Дивчата въ червонныхъ чоботахъ, подсаживая дамъ въ будку, притоптываютъ подковками, а Макотрусъ носится по крыльцу навприсѣдки, припѣвая:

Старый Оселедько
Не стое за редьку —
Ні за стару, ні за малу,
Ні за молоденьку!...

Медленно, торжественно выѣзжаютъ, наконецъ, панскія сани со двора. За ними еще нѣсколько саней съ прислугой и музыкантами. По бокамъ баравана всадники съ саблями на голо въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ. Стоитъ только взѣхать на гору, да повернуть немного влѣво — нельзя не остановиться: дворъ о. Кондрата, какъ на ладони, и самъ онъ, одѣтый по дорожному, стоитъ на рундучинѣ, съ длинною патерицею.

— Стой! командуетъ, завидя его, Макотрусъ. А ну, хлопці, підіть — роздобудьте у протопопа огню, та скажіть, щобъ тікавъ, бо врагъ підъ бокомъ, за Пісковатою горою.

Но хлопцы не успѣли еще спустить ноги съ саней, а двѣ породныя наймычки о. Кондрата, бывшія въ засадѣ, распахнули уже его ворота, и самъ онъ стоитъ уже среди двора, и низко кланяется.

Нѣсколько пановъ подбѣгаютъ къ нему и, схвативъ подъ руки, тащутъ къ саямъ.

— Пустите душу на покаянiе!.. смачные вареники... моя матушка... вопить онъ...

— Не можно, отче, не можно!..

И его насильно сажаютъ въ сани. Хлопцы, межъ тѣмъ набрали горящихъ угольевъ въ казаны у матушки о. Кондрата, а самое ее почти на обремку несутъ къ саямъ.

— Татары, татары! кричитъ Макотрусъ.

Караванъ трогается съ мѣста, при

звукахъ музыки. Макотрусъ раздуваетъ мѣхомъ уголья. Самъ о. Кондратъ лѣпитъ первый вареникъ и кидаетъ его въ казанъ, за нимъ — матушка, за нею — всѣ поѣзжане.

Улица полна народа. Всѣ дивуются, какъ паны справляютъ масляную.

IV.

Первая станція — у Хрина-головатого. Торжественно выѣзжаютъ къ нему во дворъ сани за санями. Панскіе останавливаются у крыльца.

Хринъ-головатый съ своею панею встрѣчаютъ гостей хлѣбомъ-солью. Чинно идутъ гости въ его хоромы. Тамъ все убрано по праздничному, прилично случаю. Въ залѣ, вмѣсто стола, скамейка съ треножникомъ, на которомъ въ серебряной чашѣ подогревается спиртъ. Женщинъ хозяйка приглашаетъ въ гостиную; мужчины садятся въ залѣ на коврахъ вокругъ чаши, поджавъ ноги подъ себя, какъ турки. У каждаго въ рукѣ большой кусокъ сахара. Варятъ жжонку. Поспѣла жжонка, черобровыя горничныя въ монистахъ, въ сорочкахъ, шитыхъ запольчю, подносятъ на серебряномъ подносѣ золотые кубки. Опорожнили чашу, готовятъ новую жжонку, за нею третью, потомъ еще, еще — до тѣхъ поръ, пока головы совсѣмъ отяжелѣютъ и „маслячане“ не свалятся замертво на ковры.

Тѣмъ часомъ воли, стоя въ ярмахъ, жуютъ душистое сѣно. Дворня ликуетъ по своему; но сани строго охраняются по очереди, чтобъ Боже избавъ, не случилось како-нибудь изъязну.

Но не долго чуманѣютъ паны пос-

лѣ жжонки. Встрепенулся Макотрусъ, и всѣхъ подниметъ на ноги.

— А ну, пані-головата, шануй насъ, какъ пристойно доброй хозяйкѣ. Вставайте, паны — водой оболью, кто не встанетъ!..

На мѣсто треножника съ жжонкой — становится круглый столъ съ яствами, закусками и питіями всякими. Тутъ и наливки, и настойки, и меды и пѣнная такая, что если встряхнуть — жемчугомъ вся переливается. Кубки мѣняются чарами. Подаются вареники пшеничные, вареники гречаные, вареники лѣнныые, мнишки, всякіе „пундики“, блины всѣхъ сортовъ, какіе только ѣдятъ на Украинѣ.

У всѣхъ душа на распашку: поютъ думы старинныя, пѣсни — свѣтскія и церковныя, обнимаются, цѣлуются, плачутъ; даже серіозный Гавенда не выдерживаетъ и, притопывая ногой, лукаво подмаргивая бровями, дребезжащимъ голосомъ затягиваетъ:

У — унадився до чапельки журавель, журавель
У — унадився до чапельки цибатый, цибатый...
А я-а тому журавлю, журавлю,
Та й ниженьку перебью, перебью...

Далеко за полночь стоитъ гуль въ хоромахъ Хрина-головатого. Но мало по малу тухнуть огни; ложатся въ перины паніи и панянки. Засыпаютъ и паны, раскинувшись на коврахъ. Дальше всѣхъ полубодрствуетъ Макотрусъ, сквозь сонъ разсуждая самъ съ собой: въ мене пані Ганна, дуже вона гарна... мой дочки, якъ квіточки — одна мала — малая, друга — манісенька, а третя — що найменша — манюцупенькая... Сонъ и его одолеваетъ наконецъ.

По горницамъ пана Хрина-головатого идетъ такой храпъ и свистъ, ка-

кой только могли издавать дюжіе носы старосвѣтскихъ пановъ послѣ жжонки и варениковъ.

Для нашихъ дней — рѣдкость такіе богатирскіе храпы и свисты.

V.

Но не долготъ здоровый крѣпкій сонъ. Только что начало сѣрѣть сквозь щели ставенъ, Макотрусъ, взобравшись на круглый столъ и барабани руками и ногами, поднимая на ноги весь домъ. Отца Кондрата заторопили читать утреннія молитвы, потому что на столѣ уже стояла трехведерная куфа съ вареной, ароматъ которой, просачиваясь сквозь щели хлѣбной замазки, приятно щекоталъ панскіе носы...

Выпивъ вареную, опять варятъ жжонку; послѣ — вареники, блины; за ними — жжонка.

— А де жъ се нашъ Гавенда съ своею перепеличкою? вдругъ возглашаетъ панъ Макотрусъ: чи не татарва ихъ въ полонъ взяла? га?

Хринъ-головатый успокаиваетъ его, что все обстоитъ благополучно, что уже посланы въ господу пана Гавенды нарочныя съ извѣстіемъ, что къ нему „караванъ повзе“

— А о. Роману данъ приказъ, щобъ звонивъ, якъ ми вѣдемо въ Чечеву? справляется панъ Макотрусъ.

— Данъ, увѣряетъ панъ Хринъ-головатый.

То й потежемось, оглашается Макотрусъ.

Караванъ опять ѣдетъ. На полянѣ между Чечевой и Пискогорьемъ разгулялась мятелица; но паны не унываютъ — спокойно дрятъ они въ казанѣ вареники, потъ наливки, меды,

поютъ пѣсни, а кто завзятѣе, тѣ, выскачивъ изъ саней, въ сугробахъ снѣга выбиваютъ и гопака, и трепака, приговаривая: „не къ Різдву йде, а къ Великодню!“

Переѣхали поляну, вѣхали въ Чечеву—народъ валомъ валить по улицѣ—смѣхъ, шутки, остроты.

— А що-жъ се не здвонять? безпокоится панъ Макотрусь, поглядывая на поѣзжанъ.

— Хто его зна, лукаво недоумѣваетъ панъ Горобчикъ.

— Послать языковъ! командуеъ Макотрусь, замѣтно осерцавъ.

Два верховыхъ скачутъ впередъ и, возвратившись, докладываютъ:

— О Романа и дома немає—поіхавъ кудись; и паламаря немає. Паламарька каже, що й веревки отъ дзвонівъ по одіпляли—порвалися дуже... Хіба уже и къ посту сліпий Назаренко нові ссуче...

— Эге бачъ що!.. неожиданно для всѣхъ успокоивается панъ Макотрусь.

„Оце щось задумавъ!“ проносится въ головѣ поѣзжанъ. Ёдутъ дальше селомъ. Идетъ по улицѣ усатый казакъ.

— Тривай! звідкіля ти? останавливаетъ его Макотрусь.

Здалека: ажъ изъ за самихъ буртъ.

— Горілку пьешъ?

— Якъ трапитця.

— Сідай!.. Тпрру-у!..

Поѣздъ останавливается. Частуютъ казака до того, что ему сначала не бо кажется киселемъ, а потомъ, вмѣсто дороги передъ глазами мерещатся какіе то вертящіеся круги.

— Возьми его додому! совѣтуетъ Макотрусь собравшейся толпѣ. Казака подъ руки уводятъ.

Встрѣтится хорошенькая дівчина—изъ саней въ нее сыплется орѣхи, макавики, пряники... краснѣя, хватается она лакомства на лету; кучка хлопчатъ собираетъ въ снѣгу то, что упало на земь. А у Говенды на леду сковзалка. Хлопцы съ дівчатами и молодичицы сковзаются по всему пруду.

Вскакиваютъ съ саней паны—туда же на сковзалку. Смѣхъ, говоръ, шумъ.

— Що се вы, божевілні? кричитъ, спускаясь съ горы панъ Говенда: чи то воно подоба? А межъ тѣмъ самъ, взойдя на ставъ, молодецки плыветъ по зеркальной полосѣ льда.

— Вареноі! варениківъ! кричатъ со всѣхъ сторонъ. Но панъ Говенда, схвативъ за руку пана Макотруса, тащитъ его въ домъ; за ними гости. Караванъ трогається черезъ греблю на гору; юрма народа за нимъ.

Пани Говендаха чинно встрѣчаетъ гостей. Столъ въ ея домѣ—полная чаша. Наскоро раздѣвшись, гости принимаются за їду, пьютъ настойки, наливки, квасы всякіе. Входятъ музыканты—начинаются танцы. Потанцуютъ въ горницахъ, выплутъ музыкантовъ на дворъ, и любятъся въ окно, какъ гарцуютъ по снѣгу и хлопцы съ дівчатами, и старые чубатые дѣды съ сѣдыми бородами пониже пояса.

Уже вечерѣетъ. Послѣ вечерняго чая—жжонка и танцы. Расходились паны не на шутку. Самъ панъ Горобчикъ съ паней Гатальской, съ вихлясами да выкрутасами, откальываетъ „перепеличку“, самъ панъ Говенда танцуетъ ее насупротивъ ихъ съ паней Мурлыхой.

И стоитъ гуль до полночи. Реветъ контробастъ, „скигить“ скрипка, а буб-

на—гу-гу-гу, гу-гу-гу! рокочетъ „якъ не певно“.

— Чашу совѣта! отозвался кто то.

Всѣ садятся въ кружокъ, возлѣ се ребраной чашы съ дымящимся спиртомъ, съ трубками въ зубахъ. Совѣщаются куда завтра ѣхать: къ пану ли Дюдѣ-Морозовскому въ Яружное, или къ пану Дрофѣ въ Горпиновку. Долго ничего нельзя разобрать въ общемъ „галасѣ“, но вотъ яснѣе слышатся выкрикиванія: „въ Горпиновку, въ Горпиновку! Тамъ и горы не такія, и народестѣ!“

— Утра бы обождаъ, совѣтуетъ кто то.

Но паны на масляной не любятъ ни передъ чѣмъ останавливаться.

— Насъ много и огню богато! рѣшаетъ панъ Макотрусь.

— Выпьемъ же на дорогу, предлагаетъ хозяинъ.

— Діло!

Выряжанье и сборы тянутся до разсвѣта и, къ немалой досадѣ Макотруса, караванъ рушается со двора Говенды уже ранкомъ.

VI.

Хотя до Горпиновки всего семь верстъ, но караванъ „теможится“ весь день. Подѣдутъ къ перекрестку—„стой! Тутъ мені вонкъ дорогу перейшовъ...“ жалуется Макотрусь: „станемъ и покажемъ ему, що насъ не такъ то злякати, якъ вінъ, иродівъ сынъ дума“.

Стоять часъ, другой. Поравняются съ могилой—надо честь отдать, „бо тутъ наши діды бились“. И варятъ вареники на мѣстѣ Богъ вѣсть когдашней битвы, серьезно толкуя о степени родства своего съ героями, кости которыхъ покоятся подъ этою могилой... Въ балкѣ, что неподалеку отъ Горпи-

новки, приостановка самая долгая: тутъ надо полаптоваться, чтобъ не осмѣяли гарпиновцы, да и допить запасы не мѣшаетъ, потому—Горпиновка—чужой край, чужой приходъ, и туда съ своимъ уставомъ не стать соваться.

Густыя сумерки лежатъ уже надъ Горпиновкой, когда караванъ вѣзжаетъ въ нее. Издали слышится музыка—то панъ Дрофа даетъ вѣсть, что онъ уже догадался насчетъ пріѣзда гостей и самъ не хочетъ ударить лицомъ въ грязь.

Въ Горпиновкѣ пируютъ цѣлыхъ три дня, хотя и не всѣ. Иному удастся тайкомъ улизнуть, не прощавшись. Сердятся паны, а дѣлать нечего.

Послѣ обѣда въ воскресенье, запасшись всѣмъ, что нужно на дорогу, пускаются въ обратный путь, тоже цугомъ. Меньше уже приостановокъ въ пути, но веселіе тоже.

Задумчивъ Макотрусь. О чомъ онъ думаетъ—никого не знаетъ. Мало ли думъ въ головѣ у гульливаго пана передъ постомъ? Да и самое пиршество не вызываетъ ли на размышленіе, что все на свѣтѣ—тлѣнь и брєніе? Сегодня живъ—здоровъ, а завтра... кто знаетъ, кто скажетъ, что принесетъ съ собою завтрашний день? чѣмъ окончится онъ и окончится ли по добру по здорову?

Подъ самой Чечевой огромная листва перебѣжала каравану путь. Переглянулись пани съ панянками. О. Кондратъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Всѣ пріутихли.

— А що засумовали? Чи тожъ воно такъ у добрыхъ людей водитьця? Дрофа, мовъ путнімъ, надававъ намъ усього; а ми, лидацюги и геть-то!..

Ну-можъ, у кого честь не підъ жіночкою підшоною, покажемо, що мы люде, якъ люде... Стой! скомандоваль панъ Макотрусь. Заходили по рукамъ сулей, баклажки, чары и кубки. А ночь себѣ насупливается да насупливается. Но не страшно панамъ—они подѣ селомъ.

VII.

Уже поздно, когда въ хатахъ вездѣ почти погухли каганцы, вѣхали поѣзжане тихо въ Чечеву: „щобъ не перелякаты добрихъ людей“, объяснялъ панъ Макотрусь. Тихо: доѣхали до воротъ о. Романа и остановились.

— А ну, панове! мигнуль Макотрусь.

Нѣсколько пановъ пошли во дворъ о. Романа, стали стучать въ окна, приговаривая: „а ну, попе, давай варениківъ“.

Ни живѣ, ни мертвѣ выполь о. Романъ въ своей ряскѣ.

— Чого се ви такъ пізно, добродієчки? спрашиваетъ.

— Веди въ цвинтаръ, попе, отъ що!

— Ходимъ, добродієчки.

— Пошли съ нимъ паны въ церковную ограду, оставивъ въ изумленіи домъ и о. Кондрата, очень струсившаго. Въ оградѣ отыскиали мары, что носятъ мертвецовъ, вытащили изъ бабинца сукно, которымъ покрываютъ гробы, а старика-сторожа заперли въ бабинецъ.

Ну, отче Романе, лягай: не хотівъ зъ живими їсти вареники, справляй же мертвецкій великдень.

Положили отца Романа на мары, понесли его вокругъ церкви, напѣвая „святый Боже“.

А Макотрусь тѣмъ часомъ вскарабкался ощупью на старую колокольню и давай „калатати по мертвому“. У о. Романа зубъ на зубъ не попадетъ отъ страха и холода, а они его носятъ, да поютъ. Стали сбѣгаться на гвалтъ казаки,—паны мары на мѣсто, да съ батюшкой отгомъ изъ цвинтаря.

Кто ни спросить: „покойники—говорять—звонили“. Правду сказать, таки порядкомъ струсили, какъ ни были хмѣльны. Полусонные казаки не посмѣли освѣдомиться, какъ тамъ оно мертвяки справляютъ великдень передъ постомъ. О. Роману перепало нѣсколько червонцевъ, чтобы не жаловался владыкѣ. Сторожъ такъ перепугался везапнымъ набѣгомъ пановъ, что впрямъ почолъ ихъ за выходцевъ съ того свѣта, и долго потомъ на селѣ слышали его рассказы про мертвяковъ, какъ они христосуются, стуча костью объ кость...

О. Кондратъ, хотя и небывшій соучастникомъ въ панской потѣхѣ, но догадывавшійся, въ чомъ дѣло, съ своей стороны, поговоря секретно съ проказниками, наложилъ на нихъ строгую покуту.

Рано утромъ въ жилавый понедѣльникъ пономаръ ударялъ въ постовикъ, и всѣ паны, справлявшіе масляную, по первому звону, явились въ церковь, похмурые и серьезные. Цѣлую недѣлю потомъ, кромѣ хрѣна, рѣдьки, да сладкихъ бураковъ съ огурцами, да капуста съ олей и картофелемъ, они не вкушали другой пици. Чай пили не съ сахаромъ, а съ сытой, либо съ изюмомъ.

Землянь.